

А. Ч-АЯ

Обзор журналов

...Бурное отрицание в журнальной печати получил вопрос о современной русской интеллигенции, затронутый московским сборником «Вехи». За единичным исключением, нет почти газеты или журнала, которые не почли бы себя обязанными осудить эту книгу. Что-то унизительно-стадное, трусливое, закрывающее рот книжке и мешающее пролитою света есть в этой добровольной повинности. С особенным жаром выступил против вышеуказанного сборника А. Пешехонов («Рус<ское> бог<атство>»). Он упрекал «Вехи» в том, что они не дали интеллигенции общего определения; считает книгу направленной против космополитически и социалистически настроенной интеллигенции, указывает на неопределенность изысканий авторов во времени: Франк начинает родословную русской интеллигенции с 70-х годов, Струве — с 90-х, Гершензон ведет ее от петровской реформы, Кистяковский — от Герцена и славянофилов... Свойственное роду составители книги приписывают в качестве характерной особенности виду — целому виду приписывают то, что удалось подметить у той или иной его разновидности в настоящем или прошлом, если не в одну эпоху, то в другую... К. К. Арсеньев в «Вестнике Европы» также упрекает авторов «Вех» в неопределенности терминологии, влекущей за собою сбивчивость понятий и противоречия в выводах. Не установив причин зла, они собираются реагировать на него. Об условиях, в которых сложилась и развивалась русская интеллигенция, говорится лишь мимоходом. Указывается на то, что атмосфера старого режима духовно замораживала интеллигенцию, поддерживала и до известной степени оправдывала ее политический моноидеизм, затрудняла возможность разностороннего ее развития, но на этом факте не останавливаются, словно не замечая всей его огромной важности... Разбирая ут-

верждение «Вех» о ненависти народа к интеллигенции, автор статьи спрашивает, не лежит ли в основе ее глубокое недоразумение, знает ли народ интеллигенцию, ее прошедшее и настоящее, ее стремления и чувства? Не смешивает ли он ее с другими классами, к которым она по наружному виду, по внешним признакам стоит ближе, чем к народу? Усиленно подчеркивая слабые стороны интеллигенции, составители «Вех» видят в них если не единственную, то важнейшую причину неудачи, постигшей освободительное движение, и в этом снова раскрывается основной дефект сборника: неопределенность ответственности, которая возлагается на интеллигенцию... «Московские “Вехи” никого не спасут», — говорит в «Современном мире» Н. Иорданский. Ему кажется, что громы их направлены на социалистическую интеллигенцию и на радикальную мелкую буржуазию. Исследуя форму интеллигентских симпатий, говорит он, критики русской интеллигенции произнесли приговор над их содержанием. Проповедь мистичности государственной власти, принадлежащая Струве, недалеко от идеалов Победоносцева.

Реставрировать реакционные кланы вовсе не значит ставить вехи на трудном пути русской демократии. «Русская мысль» — единственный из видных органов — в лице А. А. Кизеветтера берет «Вехи» до известной степени под свою защиту. «Вехи», говорит Кизеветтер, ударили в какое-то больное место нашей современности, подняли вопросы, действительно назревшие, острые, для многих мучительные, и в этом несомненная публицистическая заслуга сборника... Почему не размышлять и не говорить о недостатках русской интеллигенции? Потому ли, что она лишена недостатков? И кто верит больше в силы интеллигенции: тот ли, кто боится самого разговора о ее недостатках и предпочитает в этом вопросе любезную бюрократическим сердцам казенную формулу: «все обстоит благополучно», или же тот, кто обращается к интеллигенции с обличающими словами, зовя ее к усовершенствованию? Боязнь критики, страх вынести сор из избы, замалчивание того, что подлежит исправлению, замена самокритики самолюбованием — вот где поистине опасные семена разложения... Вся полемика против «Вех», таким образом, неправильна в корне. В установлении методов лечения недуга А. Кизеветтер расходится, однако, со многими авторами «Вех»: заманчивый идеал религиозного подвижничества, рисуемый Булгаковым, не согласуется с показаниями истории. Кроме этого пути есть другой путь к данной цели — путь усиленного и сознательного участия в практической и об-

щественной работе. Не избыток ее, как думает Гершензон, а страшный недостаток и непривычка к ней породили все типичные отрицательные черты русского интеллигента. «Вехам» не нравится, что проблемы общественного блага вытесняют из нашего умственного обихода проблему личной морали. Но они совсем проглядели, что самая проблема общественного блага сплошь и рядом чуть ли не сполна сводится нами к проблеме личного героизма. Глядеть «внутрь себя» и исповедоваться перед самим собой мы умеем отлично, но практически и целесообразно применять результаты этих исповеданий на действительное благо себя самих и наших сограждан — вот искусство, которое надо еще приобрести и которое приобретается только среди людей, в сутолоке жизненной борьбы, цепью практического опыта, приносящего настоящий закон нравственной силе индивидуального духа. Воспитание личности немислимо без непрерывно внешнего и общественно-организованного проявления и внутренней работы, говорит Кизеветтер.

По поводу того же шумного спора А. Белый в майской книжке «Весов» говорит: «В отношении к “Вехам” нет свободы суждения; есть боязнь быть заподозренным в ретроградстве; истинная свобода, как и любовь, не имеет страха; она использует себя открыто. Мы устали от двусмысленных экивоков по поводу «нашего положения»; если мы сумели «создать себе положение», мы должны перевоспитать себя, мы должны повысить уровень русской культуры; культура и свобода — синонимы...»

(Северное сияние. М., 1908. № 8. С. 115—116)

